

такие философы? Были ли уже такие философы? Не *должны* ли быть такие философы?»¹¹.

Философия как регулятивная идея превращается в посредника времени. Философия-врачевание излечивает современность от прошлых болезней. Философия-толкование интерпретирует современность, открывая новые возможности жизни. Философия-законодатель устанавливает новые ценности на основе нового принципа.

В. Е. Кемеров

Концепция радикальной социальности

Слово радикальная в определении социальности использовано в его прямом смысле, указующем на укорененность социальности во всех основных аспектах индивидуального и совместного бытия людей. Стало быть, разговор — не об отдельных сферах, отраслях, сторонах, а о незаменимых формах, без которых невозможен общественный процесс. Речь — не о политических или методологических крайностях, а о взгляде (и переходе), преодолевающем упрощенные антитезы индивидуального и коллективного, предметно-телесного и intersубъективного, непосредственно-личного и опосредованно-общественного.

Возможен ли социальный процесс, если в нем отсутствует напряжение, создаваемое индивидуальной самореализацией? Исчерпывается ли он непосредственным взаимодействием социальных индивидов, их общением, их коммуникациями? И почему бы, собственно, не рассматривать вещи как социальные связи, а предметность деятельности — как динамику субъектов, а не только вещей?

Эти вопросы суммируются в один, главный; под вопрос ставятся частичные и остаточные трактовки социальности: 1) как

¹¹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения. Т. 2. С. 335–336.

внешней для индивидов структуры, 2) как противостоящей индивидам коллективности, 3) как некой внепроизводственной (в отношении к вещам) сферы, 4) как непосредственного взаимодействия людей...

В концепции радикальной социальности намеченные частные трактовки не снимаются, не смазываются, не перечеркиваются; они обнаруживают свое значение *стереотипов*, дополняющих друг друга, проявляющих отдельные аспекты, типы, этапы социального процесса. Эти их функции долгое время удовлетворяли и науку, и повседневные практические запросы. Но экономические, политические, экологические кризисы XX столетия прямо или косвенно указывают на разрывы в самой ткани социального процесса, в том числе — и на деформации тех стереотипов, что закрепляли и связывали его обособленные элементы и выражения.

Изменения в философии XX столетия часто характеризуются как онтологические, антропологические, коммуникативные повороты. Их можно толковать и как философские выражения упомянутых выше кризисов, и как сдвиги философского зрения, по ходу которых всплывают связи глубинной социальности, сохраняющие возможность синтеза и ее жестких структур, и органики человеческой жизни. С точки зрения этих поворотов обнаруживаются отдельные грани, элементы, островки ускользающей от взгляда социальности, провоцирующей некоторых философов и гуманистариетов к заявлениям о ее ослаблении, завершении, смерти, конце¹ и т. п.

¹ Выявляется своего рода эсхатология социальности (истории, культуры), связывающая разные направления (социальная феноменология, интеракционизм, деконструктивизм, постмодернизм) и разные имена (М. Бланшо, Ж. Бодрийяр, Дж. Ваттимо, Э. Фромм, М. Фуко, Ф. Фукуяма). Конечно, при ближайшем рассмотрении все может выглядеть не так просто, и «ослабление» социальных структур предстанет их разнообразием или «секуляризацией». Но труд подобных интерпретаций — удел создателей эсхатологических тоналностей. Остальным приходится рассматривать социальность как открытую практическую и теоретическую проблему человеческого бытия. См. об этом, например: *Иноземцев В. Л.* Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии // *Вопр. философии*. 1998. № 9. С. 27–37.

1. Смерть и возрождение социальности

Встречи с рассуждениями о деструкции социальности (конце истории, закате культуры, смерти субъекта, автора, человека) заставляют задуматься о том, с каких точек зрения этот катастрофизм фиксируется.

Возникают два предположения. Либо наблюдатель (описатель) рассматривает социальность *со стороны*, занимает позицию вне-находимости по отношению к происходящим трансформациям... Либо он находится внутри всего происходящего и вписывает свое наблюдение в общий драматизм ситуации; тогда гибнущая социальность (завершающаяся история) достраивается неявным образом какой-то другою, откуда и ведется описание... Или же внутри нее формируется *новое* социальное пространство, выявляющее по контрасту разрывы старых связей.

Так или иначе, но сдвиги в обыденных и теоретических определениях социальности можно рассматривать как изменения в ее деятельно-практических формах, ее бытийных основаниях и структурах. Переоценка средств обществознания, описывающих социальность, намечает и *тенденцию* преобразования ее форм, по-разному выразившуюся в суждениях об онтологических, антропологических и коммуникативных поворотах философии XX столетия.

С учетом этого вполне оправданным представляется допущение о том, что различные констатации кризиса социальности являются выражением изменений ее содержания и характера. Оказывается возможным своеобразное *оборачивание тезиса*: необобщаемые заявления о деструкции социальности являются фрагментарными свидетельствами процессов ее трансформации.

Фрагментарность подобных суждений тогда есть указание на несоразмерность *представлений* о социальном и *процессов* человеческих взаимосвязей, на неадекватность методологических средств режиму воспроизведения социальности, на неотрефлексированность философской и социально-гуманитарной позиции, с которой выносится приговор социальности.

Социальное не уместается в пространстве национального государства и в пристройках к экономическим структурам, ему тесно в масштабах обособленных культур и национальных миров, оно действительно умирает там, где пресекаются взаимосвязи индивидной самореализации людей. Но социальность каким-то странным образом продолжает существовать, обеспечивая энергетикой движение общественной жизни, прорываясь на свет в разрозненных позициях, в том числе и тех, что подводят ему черту.

Вспомним, что в конце XIX — начале XX в. дискуссии о кризисе социальности возникали неоднократно, когда фиксировалось наступление субъективизма, иррационализма, нигилизма. В связи с этим и пространство культуры представлялось все более *фрагментированным*, лишаящимся своих устойчивых измерений и соответствий. С этой точки зрения и поле общества виделось совокупностью взаимодействий разных субъектов, удерживаемых от полного произвола только *жесткими* структурами социальности.

Примерно со второй четверти XX в. вопрос о субъективности вступает в резонанс с проблемой поиска собственно человеческих ресурсов развития общества. Экстенсивный путь в принципе оказывается тупиковым; продуктивность экономики, перспективность техники, обновление науки и культуры обнаруживают зависимости от энергии и качества деятельности индивидуальных субъектов. *Проблема субъективности постепенно превращается в проблему субъектности индивидов* как силы и формы развития социальности. Индивиды входят в рассмотрение этой проблемы сначала как носители физической и нервной энергии, т. е. в основном как природные телесные объекты, приравненные к другим ресурсам социального воспроизводства. Но этот ход не обещает качественных сдвигов. Возникает необходимость включения в экономические, технологические, управленческие схемы и цепочки индивидов во всей возможной полноте их социальной субъектности, т. е. — со всеми их возможностями самореализации и продуктивного взаимодействия. Определяется тенденция к выявлению и комбинированию моделей, которыми индивиды оперируют в организации своих актов и контактов, моделей,

реализуемых в средствах и результатах деятельности, иными словами — моделей, *онтологизируемых* в практике людей, превращаемых в элементы социального бытия.

Поле социальности предстает разделенным между множеством субъектов, и это уже не индивидуальные субъекты с их психологизированной субъективностью, а составные — групповые, например, субъекты, реализующие свои образы мира, свои модели деятельности. Это субъекты, аккумулирующие в себе энергию и организованность социальных общностей, отраслей деятельности, познавательных дисциплин, использующие их средства и ресурсы, утверждающие их субъективность и эгоизм. В пределе это *социальные машины*, не только занимающие важные позиции в социальном пространстве, но и воспроизводящие это пространство, онтологизирующие свои модели и инструменты, формирующие предметность социального бытия и типы поведения самих людей.

Эта продукция, собственно, оказывается онтологизацией моделей, воплощенных в схемах и технологиях. Пространство общества постепенно заполняется такими онтологизированными моделями. С точки зрения, принимающей обычную логику вещей, в этом как будто нет ничего странного. Однако в том-то и дело, что такое моделирование бытия приходит в противоречие с логикой вещей, поскольку подменяет односторонними схемами (и их онтологизациями) собственное бытие природных объектов с присущими им ритмами и законами. Это, по сути, и порождает, а затем делает все более угрожающей экологическую проблему и ряд других проблем современного общества, связанных с огромной социальной инерцией *экстенсивных* типов деятельности. Возникает вопрос не только ограничения такого типа социальности, но и согласования разных моделей мира, определения режима их взаимодействия, потребностей и условий их переработки.

Тема взаимодействия разных моделей, оформляющих позиции и поведение социальных субъектов, вырастает из темы их столкновения. Конфликтные ситуации как раз и обнажают факт наличия у субъектов различных образов мира и моделей деятельности.

Кризисные формы отношений людей и природных систем в некотором смысле говорят о том же самом: способы действия людей не соразмерны способам (которые могут трактоваться как своего рода модели) воспроизводства природных комплексов.

Так определяется группа методологических задач по выявлению моделей, их деонтологизации, ограничению и переработке. И прежде всего это задача *деавтоматизации* моделей, переродившихся в крупные производства, управленческие структуры, институализированные формы научной деятельности, захвативших в орбиту своего функционирования огромные природные и человеческие ресурсы.

Решение этих задач предполагает выбор стратегии, нацеленной на выведение онтологизированных моделей из автоматического режима работы, определение их границ и возможностей; их корректировку или переработку соответственно подконтрольным для людей результатам.

Однако такого рода стратегия сразу не формулируется, по сути, ее — как обоснованной и развернутой концепции — не существует до сих пор. Она намекает на свое, все еще подспудное, существование совокупностью научно-методологических, философских, идеологических, общественно-политических движений, проявившихся в разных сферах общественной жизни, но объединенных *типом* решаемых задач.

2. Разные общественознания

Важный момент, требующий комментария, это корреляции в становлении научного общественознания и структур социального воспроизводства обществ индустриального типа. Развитие этих структур в производственно-экономической и правовой сферах приводит к деиндивидуализации общественной жизни, поскольку в указанных сферах начинают доминировать связи и эталоны, сопоставляющие абстрактно-социальные качества людей и соответственно жертвующие их индивидуальностью. Выявляется четкое различие формально-социальной и частно-индивидуальной жизни людей. Большие подсистемы общества — производство, право,

образование, наука, политика (в значительной мере и культура) ориентированы на использование и умножение формально-социальных аспектов бытия людей. Частно-индивидуальная жизнь людей оказывается по ту сторону жестких социальных структур, но остается в поле обществознания благодаря представлениям, не поддающимся стандартам абстрактной научности и формальной социальности, а также вненаучной рефлексии жизни, традиционной культуре и религиозности.

Формирующееся обществознание, вырастая из определенной социально-практической почвы, по-своему выражает и преломляет ее структурность: предметы и методы определяющихся дисциплин следуют за логикой воспроизводящихся социальных связей, фиксируют доминирующие типы деятельности, затем — дополняющие их, а потом намечают их разграничения и взаимосвязи. В сопоставлениях и противопоставлениях дисциплин зарождающегося научного обществознания находят выражение практические различия форм социальных связей и типов деятельности людей: выявление предметов и методов дисциплин социально-гуманитарного познания оказывается не столько следствием сознательной методологической работы ученых, сколько результатом воспроизводства определенной структуры социальности (определенной логики вещей, как любили говорить философы XIX в.). Так, экономическая наука в своем стремлении к объективности отвлекается в поведении людей от индивидуальной активности и психологической мотивированности. А психология, фиксирующая предмет своих особых исследований, начинает с элементов психики человека, абстрагированных от предметно-содержательных аспектов его деятельности. Социология стремится обнаружить объективные механизмы социальных взаимодействий и начинает рассматривать как второстепенные воздействия индивидов на социальные структуры, формы самореализации и самоутверждения людей в обществе. Психология в этой ситуации вынуждена логикой вещей отвлекаться от характера и содержания общественных связей и рассматривать человеческую субъективность в аспекте спонтанности, не обусловленной фактами социальных взаимодействий.

Соседствующие дисциплины взаимодействуют по принципу *взаимоисключающего взаимодополнения*, когда они исходят не из представлений о социальной эволюции или системе общества, а из предварительно расчлененной на противоположные аспекты и факторы (вещественное — духовное, объективное — субъективное, совместное — индивидуальное) жизни людей в обществе; причем рассматривают эти аспекты и факторы в качестве самостоятельно существующих предметов (как особые вещи), трактуют вопросы их внешних взаимодействий и, соответственно, воздвигают дисциплинарные барьеры для их совмещения (смещения). Иначе говоря, полифоническая сложность социального процесса подпадает под стихийную логику разделения труда: по ее схеме выявляются противоположные аспекты социального воспроизводства, которые онтологизируются, превращаются в особые объекты, рассматриваемые затем в их совокупности как социальная реальность (или проще — жизнь людей).

На рубеже XIX и XX вв. парадоксы развития обществознания становятся предметом философского анализа, поскольку в них отображаются противоречия философии и науки, познания и культуры. В. Дильтей пытается обосновать специфику обществознания и выдвигает, в противовес натуралистически ориентированному познанию, область наук о духе, нацеленных на описание социально-исторических явлений и событий в их конкретности, целостности, индивидуальности, опирающихся на особые методологические процедуры. В. Виндельбанд и Г. Риккерт фактически обосновывают *двойственность методологии* как для познания в целом, так и для обществознания. Они разделяют и противопоставляют виды познания не по предметам, а по методам: обобщающий метод формирует предмет, который мы называем природой, а индивидуализирующий метод указывает на сферу жизни (и ее особые проявления), которую мы называем культурой. Поскольку это разделение носит, прежде всего, методологический характер, оно касается не только различения естественных и общественных наук, но распространяется и на ситуацию внутри обществознания, где могут быть выделены по преимуществу обобщающие и по

преимуществу индивидуализирующие дисциплины; более того, эта методология может быть применена в трактовке отдельной дисциплины. В пределе эта методология означает, что любая дисциплина обществознания может быть и обобщающей, и индивидуализирующей, но одно из этих качеств достигается за счет жертвы другим. Как это ни странно на первый взгляд, но методологическая гипотеза Г. Риккерта получила много подтверждений в обществознании XX столетия: легко определимы полярно ориентированные направления, например, бихевиоризм и гуманистическая психология, физикалистская социология (Ландберг) и социальное действие, структурный функционализм и этнометодология.

Методология *взаимоисключающего взаимодополнения* пронизывает все известные направления обществознания XX в. (и взаимоотношения между ними), но свое концентрированное выражение она находит во взаимоотношении социального и гуманитарного познания. Сам термин «социально-гуманитарное познание» указывает на то, что обществознание составлено из двух разных видов познания, т. е. термин этот фиксирует не столько связь, сколько различия. Ситуация становления научного обществознания подкрепила эти различия, обособив, с одной стороны, *социальные науки*, ориентированные на изучение структур, общих связей и закономерностей, и, с другой стороны, *гуманитарное познание* с его установкой на конкретно-индивидуальное описание явлений и событий общественной жизни, человеческих взаимодействий и личностей. В ходе дискуссий побеждали то сторонники четкого методологического определения дисциплин (и, соответственно, их размежевания), то сторонники их методологического сближения (и соответствующей предметной интеграции). Однако важно отметить, что указанное различие и противопоставление социальных и гуманитарных дисциплин в основном трактовалось как ситуация естественная, соответствующая общей логике разделения и связывания человеческой деятельности. Само оформление этой ситуации в недолгой и недавней истории становления научного обществознания, как правило, во внимание не принималось.

Научное обществознание с присущим ему строем и функциями, с его интеграцией по принципу *взаимоисключающего взаимодополнения* (представлявшемуся естественным), оказывается под вопросом во второй половине XX столетия, когда определяется полоса практических и теоретических кризисов. Типологическое родство этих кризисов проявляется в проблеме соотношения структур и людей. Большие структуры, адаптирующие к себе индивидуальную жизнь людей, выявляют свою ограниченность и непродуктивность по всему фронту: в экономике, политике, науке, образовании.

В конце 60-х гг. XX в. обществознание начинает утрачивать черты даже того формального единства, которое было связано с декларативным признанием общих норм и стандартов научной деятельности. Сохраняется еще некоторая терминологическая общность, но она лишь маскирует разнотильность методологических ориентаций, реализуемых в разных науках и дисциплинах. За одними и теми же терминами — общество, личность, система, деятельность — скрываются существенно различные методологические схемы и понятийные связи.

Утрата формальной общности приводит к плюрализации и фрагментации обществознания. Обостряется вопрос о его парадигме, однако в складывающейся ситуации размежевания и разнородности дисциплин парадигма может быть только эклектической, лоскутной, мультипарадигмой, т. е. проблема парадигмы на принципиально методологической основе не решается. Сама практическая потребность в связывании дисциплин обществознания, присущих им представлений и стилистик исследования указывает на то, что *единство* обществознания определяется не столько стандартами познания, сколько *общими проблемами*, стоящими перед людьми в их совместной и индивидуальной жизни, *связью проблем глобального характера и проблем самореализации* индивидов. Намечается новая философия интеграции обществознания, а вместе с ней и переосмысление его бытийных *оснований*, его истории и перспектив, его связи с практикой общества, его соотносительности с естествознанием и широко понимаемой социальностью.

Фокусирование ориентаций обществознания в проблемно-смысловом поле бытия людей указывает и на ограниченность прежних установок дисциплинарно-отраслевого разделения обществознания и его интегрирования по принципу взаимоисключающей взаимозависимости. Все более очевидной становится зависимость этих установок от практики *воспроизводства* общества как Большой структуры, в рамках и на фоне которой реализуется жизнь социальных индивидов. Явной становится и непродуктивность социально-методологических концепций, фактически отождествлявших социальность со структурностью (догматический марксизм, структурно-функциональный анализ). Поскольку в трактовке социальных систем на первый план выходит проблема их *становления и изменения* — и в аспекте формирования *качества* жизни отдельного общества, и в аспекте системного оформления связей человеческого сообщества, — постольку все более осознается необходимость представить *зависимость структурности* общества от самореализации человеческих индивидов. Таким образом, понимание взаимосвязанной индивидной жизни людей оказывается ядром трактовки воспроизводящейся и меняющейся социальности. Прежде всего, практические стимулы предопределяют выход за рамки стереотипов, противопоставлявших совместное и индивидуальное, социальное и личностное, экономику и психологию, структуры и людей. Реализация этой перспективы означает переосмысление характера интеграции обществознания и, вместе с тем, — логических и методологических стереотипов, задававших определенный стиль исследования и трактовки жизни людей в обществе.

* * *

Кризисное освещение выявляет в недолгой истории научного обществознания два этапа: а) этап становления, когда формировалась структура, объединившая методологический дуализм с интеграцией по типу взаимоисключающего взаимодополнения и б) этап, когда эта структура распадается, утрачивая связи с повседневной практикой, разрушая свои собственные представления о социальности, ее порядках и функциях. Стало быть, можно и нужно

говорить о завершении определенного этапа эволюции общественного, связанного с доминированием особого типа структурной и экстенсивной социальности, преобладающего и в плане бытийно-практическом — в формах больших структур (сфер, отраслей, технологий) общества, — и в плане теоретико-методологическом с его большими теориями, редукциями, функциями, детерминациями и механизмами.

Этот этап еще не завершен, а тип социальности, им выраженный, продолжает действовать, сохраняя инерцию Больших структур. Но рядом — иногда как опровержение, иногда как развитие сложившегося стереотипа социальности — работают другие схемы, встраивая в обыденную практику и меняя стиль мышления. Предварительно эта тенденция может быть представлена через простое перечисление концепций: человеческих отношений (Э. Мэйо), микросоциологии, социального действия (во множестве вариантов), коммуникативного действия (Ю. Хабермас), структуры (Э. Гидденс), конструирования социальной реальности (П. Бергер, Т. Лукман), социального мира (А. Шутц), мир-системы (И. Валлерстайн). К ним примыкают разнообразные схемы диалогических и полилогических взаимодействий, представления о качестве социальной жизни и деятельности, закладываемые в проекты современной экономики и экологии, модели невидимых колледжей, переводящие в личностный и межличностный план трактовки социальной обусловленности познания и науки.

Все эти весьма различные концепции, школы, направления мысли и деятельности сходятся в одном: они *не используют в качестве опорного представление о структурной социальности*, т. е. они не достраивают и не перестраивают прежние традиционные и классические концепции; они смещают их на периферию, ибо работают с понятием социальности в *ином режиме*.

3. К онтологии социальности

Не случайно в предыдущих рассуждениях мы постоянно говорили о сдвигах, кризисах, тенденциях, перестройках, трансформациях, — именно в этих словах и выявляется современная онтология

социальности. Социальность сохраняется, выживает, имеет перспективы, поскольку она смиряет действие инертных структур и механизмов, ограничивающих ее пространство, поскольку делает свою процессуальность *главным предметом* практических и теоретических забот, поскольку освобождается от маски анонимности и реализует заботу о бытии в действиях самих индивидов.

Переживание и понимание социальности как *процесса* смещает акценты, в частности, подчеркивает подчиненность пространственного распределения и организованности человеческой деятельности ее *временному* развертыванию.

Самобытность людей и человеческих вещей образуется из постоянно возобновляющейся ткани социального процесса, на ней закрепляет свою обособленность, отдельность, специфичность; определяясь во взаимосвязях сплетающихся и расходящихся человеческих действий, она оказывается предметностью не столько телесности и вещественности, сколько процесса и деятельности². Она реально существует в своем собранном, самостоятельном, специфичном виде как *процессность*, которая дает возможность человеку удержать в единстве расслаивающиеся во времени и распадающиеся в пространстве моменты деятельности. И сама определенность общества может быть понята как *воспроизводство* социальных связей во времени и пространстве.

Понятие *социального воспроизводства* указывает и на то, что индивиды выполняют определенные функции, и на то, что функции являются элементами жизни людей, сохраняются и изменяются

² Обществознание, ориентированное на «логику вещей», подчиняло время пространству, процессы — результатам, динамику социальности — пространственно представленным структурам. Отсюда и многие парадоксы исторического познания, когда история «читается наоборот»: на первом плане — результаты, на втором — средства, на третьем — сам процесс деятельности людей. Ход исследования истории оказывается противоположным ходу ее воспроизводства и обновления человеческими индивидами; формируется своего рода «изнаночное изображение», характеризующее процесс жизни и деятельности людей сквозь призму итогов и результатов. Чтобы не оставаться в границах этого видения, необходимо выявлять «лицевую сторону» истории, обнаруживать за вещными ее выражениями ее динамику и личный состав.

в актах их деятельности (и общения) и, в конечном счете, зависят от конкретного содержания человеческих взаимодействий.

В сфере непосредственного опыта мы постоянно имеем дело с дискретными актами, вещами, индивидами. Суть же социального процесса в его постоянном *возобновлении*. Если бы он не возобновлялся в своих дискретных моментах, он не сохранил бы и свою континуальность. Последняя обеспечивается тем, что он протекает в обособленных вещах и человеческих индивидах; он живет и пульсирует и в тех, и в других, хотя и существенно различным образом. Эта пульсация социального процесса в обособленных индивидах и предметах есть единственное объяснение их взаимообусловленности при *отсутствии их непосредственных контактов*³.

С этой точки зрения, формами, характеризующими социальное бытие как процесс сочетающихся и сменяющих друг друга деятельностей людей, выступают *социальное пространство* и *социальное время*. Социальное пространство представляет динамику человеческого бытия в виде координации людей, их действий и предметных условий, средств и результатов их жизненного процесса, в *формах их непосредственно совместных* взаимодействий. Время социальное фиксирует устойчивость социальных форм как их *воспроизводимость*. Это не только фиксации социального бытия на его духовно-теоретическом уровне; социальное время и пространство оказываются исходными схемами обыденного поведения людей и их взаимодействия; они постоянно действуют на уровне бытия социальных индивидов как условия непрерывности, организованности социального процесса и в его непосредственных связях, и в его опосредованных зависимостях

³ Необходимо переставить акценты в схемах «вещи и процессы», «люди и процессы», осуществить методологическую транспозицию: понятие вещи выявит процессность ее устойчивого бытия, а люди будут описаны не только как проводники и носители процессов, но и как *силы* их возобновления, реализации, нарастания. Не то существенно, что люди или вещи рассматриваются в процессах, а то, как способ бытия людей *реализует и модифицирует* социальный процесс, как характеристики вещей и людей выражают ход процессов и определяют их форму.

(дальнодействиях)⁴. Динамика социальности, следовательно, реализуется и в непосредственных контактах людей (совместность, коллективность), и в пространствах, где такие контакты отсутствуют (обособленная деятельность индивидов, их опосредованные зависимости). Тогда, собственно, можно говорить о *социальности как взаимообусловленности коллективного и индивидуального, совместного и разделенного человеческого бытия*. Так сдвигается с мертвой точки методологический стереотип, противопоставляющий социальное и индивидуальное (индивидное). В рассмотрении коллективности тогда важную функцию выполняет анализ различных опосредований и прежде всего *форм* индивидуального бытия людей, создающего ядерные структуры для разных типов социальности. Подсказываемый этим тезисом путь восстановления социальных прав индивидуального сопряжен не только с углублением в индивидуальное, но и с выяснением того, какую роль в разных системах коллективности играет индивидное бытие людей, каким образом оно задает энергетику и форму этих систем, их организованность и сложность.

Непосредственно данная нам совместность человеческой деятельности содержит в себе скрытую композицию индивидуализированных человеческих сил и способностей. Если использовать известное разделение кооперации на простую (в которой суммируются однородные усилия) и сложную (объединяющую в результате разделенные во времени и пространстве действия), то для социальных процессов именно сложная кооперация оказывается формой, выражающей их особенность. Она раскрывает секрет того, как возникают добавочные эффекты, зоны роста, новые синтезы в практической и духовной жизни людей, определяет источники энергии и векторы социальной динамики.

⁴ Тема самобытности России разворачивается в совершенно несхожие картины в социальном и физическом хронотопе. В первом случае акцент делается на работе по координации деятельности и подсистем, обеспечивающих жизне-способность общества; во втором — на связи общества с особым физическим пространством и его ресурсами, на принятии этой связи как данности, на сохранении ее любыми средствами вплоть до применения насилия.

Люди живут в обстановке внешней несвязанности. Восприятию человека этот мир дан фрагментарно. Однако если бы человеческий мир был только фрагментарен, он бы просто не мог существовать. Дискретность социальной реальности порождает вопрос о процессе, стягивающем ее отдельные фрагменты в некую совокупность. «Я б рассказал, чем держится без клею / Живая повесть на обрывках дней». Сослагательное наклонение, использованное Б. Пастернаком в этих строчках, вполне уместно: рассказать об этом и показать это очень трудно. Здесь сокрыта сложнейшая практическая и теоретическая проблема. Мы вынуждены предполагать, более того, использовать непрерывность социального процесса, но эта непрерывность не укладывается в рамки нашего обычного опыта и присутствует в нем только в отдельных актах взаимодействия людей друг с другом и с отдельными же вещами. Мы здесь сталкиваемся с *парадоксом* социальных процессов. Суть его в том, что люди могут сохранять континуальность своего бытия только благодаря различным обособленным от себя органам и средствам, курсирующим в отрыве от людей по социальному времени-пространству и *связывающим именно таким образом* различные состояния человеческой жизни и социального опыта.

Разделенность социальной жизни нуждается и в соответствующих формах совместности, формы же эти не являются натуральными структурами; их людям приходится вырабатывать самим. В этих ситуациях как раз и обнаруживается, что разделенность общественной жизни между обособленными индивидами — это не только ее расчленение, но и условие синтезирования новых качеств, предметностей, связей. Трансляция, ретрансляция, оживление упакованного в предметные средства опыта требуют индивидуализированных, оснащенных умениями, знаниями, энергией способностей: они проявляются, присоединяясь к усилиям самостоятельно действующего и мыслящего индивида. Такое индивидуализированное деятельное напряжение человеческих сил, по сути, и оказывается тем невидимым клеем, на котором держится связность и человеческого опыта.

С точки зрения *методологической*, самой важной оказывается задача определения того места или тех мест, где происходит совмещение разделенных функций, операций, способностей, позиций, реализуемых людьми. Принимая во внимание достаточно широкий круг предпосылок, можно сказать: это совмещение происходит не только в пространстве непосредственно данных контактов между людьми. Такими пространствами являются и предметные средства, в которых суммируется опыт разных людей, и сами люди, связывающие разные аспекты своего бытия, сохраняющие потенциал для воспроизводства и развития накопленного социального опыта. Как это ни странно на первый взгляд, но местами, обеспечивающими сохранение и изменение человеческой совместности, выступают схемы, формы, фигуры обуславливающие механику и органику социальных связей, развертывающихся во *времени*. Они определяют со-единение разных моментов, со-стояние разных аспектов социального процесса, со-бытие различных индивидов. И, по сути, главной проблемой общества становится проблема уравнивания этих разных схем, проблема совмещения разных форм *воспроизводства* и передачи социального опыта.

4. К социальной метафизике

Каким образом людям удастся перемещать и связывать разрозненные фрагменты социального опыта не только в пространстве, но и во времени?.. К ответу на этот вопрос обществознание XX в. двигалось разными путями, но решения, в конце концов, оказывались сходными. Понятия деятельности, поведения, социального и коммуникативного действия были призваны для того, чтобы проявить *процессность* социальности, ее индивидные характеристики.

Общая стратегия этого движения: от логики вещей — к логике человеческих взаимодействий. Однако формировалась она постепенно, в каждом дисциплинарном питомнике на свой лад и во многом с оглядкой (или даже с опорой) на традиционную субъект-объектную гносеологическую схему. Эта оглядка сказалась и в сохранении-влиянии данной схемы, и в ее половинчатом преодолении. Субъект-объектная формула познания

и деятельности постепенно вытеснялась субъект-субъектной схемой: ключевое отношение человека и вещи заменялось отношением двух субъектов... Этот сдвиг представляется вполне понятным: в многочисленных теориях социального (позже — коммуникативного) действия от М. Вебера до Ю. Хабермаса человеческая сторона деятельности противопоставлялась вещественно-предметной, логика человеческих взаимодействий освобождалась от механических и биологических моделей, обнаруживала свою особенность. Вместе с тем этот шаг означал вытеснение за пределы социальности предметных аспектов деятельности, вещных ее средств и естественным образом сводил тогда социальные связи к непосредственным взаимодействиям индивидов. В результате гносеологическая «робинзонада» преодолевалась, но на ее месте оказывалась... «робинзонада» коммуникативная.

Понятие деятельности как будто застряло в феноменологической полупозиции; оно приостановилось в поле непосредственной данности — и для участников, и для наблюдателя — взаимодействия двух субъектов. Элементарная форма социальности была артикулирована, но за ее рамками осталась многомерная динамика, лишь внешним образом данная в непосредственном контакте. Вне этой формы остается процессность социальности как *полисубъектного* образования, реализующегося по разным линиям и переплетениям человеческих деятельностей, использующего разные формы переноса, сочетания и роста живых и опредмеченных человеческих сил. Вне этой социальной формы остается энергия человеческого бытия; этот дуализм энергии и формы закрепляется как дуализм деятельности и общения, инструментальности и коммуникации.

Попытка обнаружить специфику социального в картине непосредственных взаимодействий как методологический ход вполне логична. Но это лишь *первый ход*. Он возвращает в социальность индивидов. Но оставляет пока за ее пределами предметность, создаваемую людьми, и сам процесс предметного бытия людей, воспроизводящий разнородные социальные формы. *Следующий ход* — возвращение в социальный процесс многообразной

человеческой предметности, которая по сути не противостоит коммуникации, а представляет собой огромный набор схем человеческой самореализации и ее опосредований, обеспечивающих социальное воспроизводство. Эти опосредования в их многомерности не фиксируются в непосредственных взаимодействиях, но они реально нарушают биполярность диалогического пространства и, растягивая его геометрию, постоянно его оживляют и проблематизируют, открывают его к непосредственно не данному бытию.

Радикальное прочтение социальности так или иначе оказывается связано с *метафизической тематикой*. Но это не та метафизика, на которой настаивала классическая философия. На смену аксиоматике абстрактно-общих определений бытия идет *проблематика социальных опосредований и дальностей, чувственных и сверхчувственных связей, полисубъектной социальности и полифонии бытия*, проблематика конкретного отношения человека к не-своему-другому⁵.

Т. Х. Керимов

Гетерология, однозначность бытия и имманентность философии

Если принять во внимание только формальную структуру двух путей обоснования сущего, то мы можем выделить два различных подхода к проблеме бытия или две формально онтологические возможности описания бытия. Формально онтологические, поскольку оба пути касаются вопроса о бытии, хотя содержательно они радикально отличаются друг от друга.

В рамках первой возможности мы имеем подмену вопроса о бытии вопросом о сверхсущем основании или причине сущего. Т. е. бытие понимается как основание. Основание воспринимается

⁵ См.: Керимов В. Е. Метафизика-динамика // Вopr. философии. 1998. № 8. С. 59–67.